

Феликс Кохрихт

Гойя: в предчувствии Герники

Франсиско Гойя. «Сон разума рождает чудовищ». Офорт. 1790-е гг.

За свою сознательную жизнь я трижды был, образно говоря, в нескольких шагах от мечты. От музея Прадо, где меня привлекало многое, но более всего – работы Гойи. В первый раз – в начале 90-х, когда наш круизный теплоход зашел в Барселону, но я не успел съездить в Мадрид – стоянка длилась всего день. Во второй – в начале двухтысячных, но оказалось, что 31 декабря испанские музеи (в отличие от, скажем, немецких), не работают...

И вот, наконец, минувшей осенью мы побывали не только в Прадо, но и в музеях королевы Софии и Тиссена-Борнемисы. Эти всемирно известные собрания находятся рядом –

в золотом музейном треугольнике центра Мадрида.

О сокровищах, выставленных в залах и хранящихся в запасниках, написаны тома, практически каждую работу с недавнего времени можно увидеть на сайтах Интернета, причем чуть ли не с эффектом 3D. Но ничто не сравнится со свиданием с глазу на глаз с оригиналом, хранящем не только прикосновение кисти,

а то и руки автора, но и его энергетику. Тем более, если речь идет о Гойе – не только гениальном живописце и графике, но и сверхчувствительной личности немыслимого темперамента, сравнимого разве что с Паганини.

За прошедшие с юности годы мой интерес к творчеству и личности Гойи, порожденный книгой «Художники Нового времени» – подарком одесситки, студентки МГУ, менялся: от восхищения герцогиней Альба, изображенной и на парадном портрете, и обнаженной одалиской, до потрясения от графических циклов «Капричос» и «Ужасы войны» в дефицитных чешских и венгерских альбомах. Они доставались мне в магазине «Дружба» благодаря начавшейся журналистской деятельности.

Потом были роман Лиона Фейхтвангера «Мудрость чудака» и гедезровский сериал, в котором художника играл Донатас Банионис.

В нынешние свои годы я как бы заново открыл для себя не парадного, не чувственного, не драматичного, а Темного Гойю, создавшего к концу жизни цикл Мрачных картин. Так их определили

Пабло Пикассо. Эскиз к картине «Герника». 1937 г.

современники еще в 20-е годы XIX века, и сегодня они представлены в нескольких залах Прадо как Мрачные и Темные.

Разумеется, дело не в цветовой гамме, колорите, балансе света и тени (и другие работы Гойи в основном были выполнены в сдержанных изысканных тонах), а в ранее невиданном в мировом искусстве проникновении в темный и зловещий сегмент Сущего, в котором царят Ужас и Безысходность.

К тому времени Гойя уже терял слух и зрение, он испытывал отчаяние оттого, что жизнь уходит, что своей ранимой и чувствительной душой ощущал смену веков: наступало время иных войн – масштабных и беспощадных, иных споров – иступленных, других схваток – зачастую бессмысленных, смертельных, иных богов – и богов ли...

Необычна судьба этих шедевров. Гойя выполнил их как фрески в купленном под старость доме, и они окружали его, вошли в его жизнь.. В спальне находилась самая большая и ужасная, на которой прабог Сатурн пожирал своего очередного ребенка – на сей раз сына, в котором видел конкурента в борьбе за мировое господство.

После смерти художника некий вельможа повелел перенести эти фрески на холсты, что и было сделано, а в 1874 году они наконец оказались в Прадо. Разумеется, и ранее я видел их на репродукциях, но, признаюсь, не задерживал взгляд на действительно Мрачных сюжетах. Уверен, и сегодня так поступают многие.

Если эти работы вызвали у вас интерес, то достаточно набрать в Гугле «Темный Гойя» – и они предстанут перед вами в достаточно хорошем разрешении. Среди четырнадцати концептуально и стилистически (формальные термины, но в коротких заметках дилетанту без них не обойтись) наибольший ужас (после «Сатурна») вызвали у меня вот какие работы.

Яростная «Драка»: стоя по колени в морском прибое, двое схлестнулись в поединке на дубинках – не до первой крови, а до смерти. Что их свело – соперничество в любви, притязания на близкую сушу, гонор драчунов, обидное слово? В том-то и дело, что это не имеет значения. Один из них обречен, а вероятнее – и оба...

На соседнем холсте – два старика за нищенской трапезой, но не жалость, не сострадание вызывают они, а опять же – ужас:

в их зыркающих глазах столько скрытой ненависти, зависти и грядущей мести всему человечеству и тем, кто дал им кров и еду...

И наконец – «Собака». Воплощение одиночества живого существа в безысходном мире. На фоне зловещего неба, сливающегося с косогором, собака, со страхом и без надежды вглядывающаяся в то, что не сулит ей ничего доброго. Щемящее чувство вины за то, что не можешь помочь беззащитному, положившемуся на тебя.

Но не себя ли видел Гойя в этом одиноком затравленном звере?..

Поймал себя на том, что сильно подставился, решившись пересказывать своими словами замыслы гениального художника и трактовать их воплощение. И наверняка последуют ироничные и снисходительные улыбки действительных специалистов по Гойе.

Но я ведь и не собирался подменять своим текстом ни учебники по истории и теории искусства, ни музейные проспекты: мне необходимо объяснить себе, почему же я, достаточно искушенный путешественник и посетитель музеев, с порога Прадо ринулся (и потащил за собой Таню) именно в залы Темного Гойи, пробегая мимо Веласкеса и Эль Греко, Мурильо и того же Гойи – с Махами и портретами королей...

Может быть, потому, что за всего лишь несколько лет – с начала XXI века – в мире начались скрытые и явные подвижки, опять же, к смене не только столетий, но и нравственных императивов. Все чаще Сатурны в борьбе за власть пожирают детей – и не только своих. В яростной и бескомпромиссной схватке сходятся племена и страны, этносы и политикумы. Все больше обездоленных и завистливых исподлобья всматриваются в тех, кто делится или не делится с ними миской супа и гаджетом. Все тяжелее одиноким и слабым среди самонадеянных и равнодушных – все наглее становятся догхантеры и террористы...

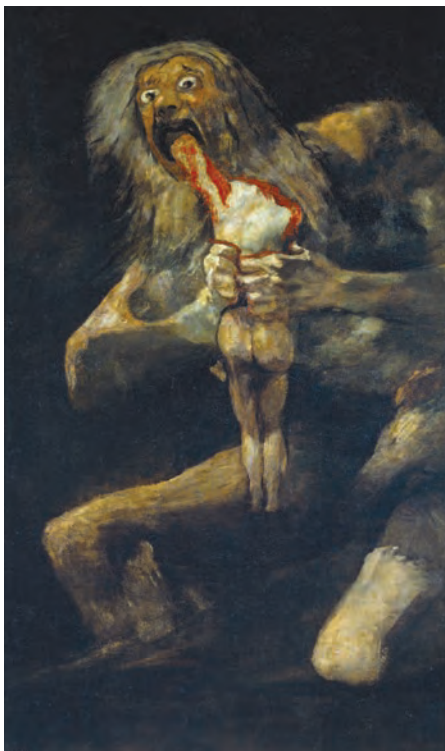
У входа в Музей королевы Софии всегда очереди

Франсиско Гойя.
Автопортрет с доктором Аррьета. 1820 г.

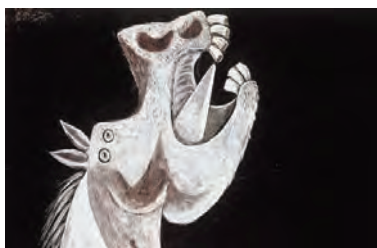
«Бедствия войны». Офорт

Франсиско Гойя. «Сатурн, пожирающий своего сына». 1823 г.

Франсиско Гойя. «Драка». 1823 г.

Пабло Пикассо. «Герника» и эскизы к ней. 1937 г.

Мрачные картины Темного Гойи. Как всякий гений (составители Торы и Апостолы, Шекспир и Пушкин, Гете и Свифт), он угадывал вызовы и искушения, неминуемо таящиеся в наступающих временах.

И, конечно же, мне тут же захотелось проверить догадку, родившуюся в эти часы в Прадо: кто же из великих мастеров нашего времени продолжил эту династию провидцев?

Мы прошли несколько кварталов и поднялись на лифте в тот зал музея королевы Софии, где, как у «Моны Лизы» в Лувре, у «Мадонны» Рафаэля в дрезденском Цвингере, у «Троицы» Рублева в Третьяковке, всегда замирают и клубятся и те, кто, как и я, стремился сюда годами, и те, кто согласно путевке пришел с группой туристов.

«Герника» Пикассо, словно повторяя судьбу Темных работ Гойи, лишь недавно обрела покой и волю в музее столицы Испании. До этого она была выставлена в Нью-Йорке и вернулась на родину лишь в 1981 году – с концом тоталитарного режима.

Пикассо запечатлел в сложной многофигурной композиции свое ощущение от бомбардировки города Герника фашистской авиацией. Случилось это в 1937 году во время Гражданской войны.

Огромное прямоугольное полотно, сравнимое по размерам с «Собакой» Гойи, также не сверкает разноцветьем – оно монохромно (черно-белое), но от этого становится еще выразительнее: это цвета горя.

Под бомбами тогда погибли полторы тысячи человек, а впереди была вторая мировая война с миллионами и миллионами жертв, а впереди были Холокост, Хиросима, безумная жестокость полпотовцев в Камбодже... И вот нынче Северная Корея испытывает водородную бомбу, в Тегеране мастерят атомную, в Иерусалиме – ручьи крови, в Сирии – моря...

Вообще, множество печальных, а то и жутких событий случились осенью 2015 года, и почти сразу после нашего похода

Наконец-то иду в Прадо!

в мадридские музеи, на следующий день, 13 ноября, мы по телевизору в номере гостиницы увидели прямую картинку: взрывы и пальба в Париже, устроенные террористами. Недавно, в январе, их поделники взорвали бомбу в Стамбуле – у Голубой мечети и Святой Софии – в городе, через который пролегал наш перелет в Мадрид. Когда в конце января пишутся эти строки, то же самое происходит в Джакарте.

На нашей родине не прекращается братоубийственная война...

«Сон разума рождает чудовищ» – так называется поразительный офорт Гойи двухсотлетней давности. Снимем кавычки и получим ответ на многие сегодняшние вопросы...

Предчувствовал ли Гойя бомбардировку Герники, а Пикассо – Хиросиму?

Ученые полагают, что за последние два века течение времени ускорилось – и не только в человеческом мироощущении, но и объективно, что проявляется в неведомой до ныне скорости и интенсивности смены важнейших геополитических и научных событий. Можно отнестись к этому тезису скептически, но вот безусловные факты: Гойя не дождался электричества, а вот Пикассо стал свидетелем и испытаний термоядерных бомб, и полетов на Луну.

И в заключение вот о чем. В середине 80-х годов минувшего века в Одесской филармонии (директор Юрий Петренко) состоялась премьера балета «Герника» на музыку Яна Фрейдлина. Мы старались рассказать землякам и о трагедии испанского города, и о шедевре Пабло Пикассо – его полотно было основной декорацией. Музыканты (камерный ансамбль Сергея Шольца) сидели на сцене и участвовали в действии, главные партии исполняли прима и премьер Одесского театра оперы и балета – Наталья Барышева и Михаил Петухов. Либретто написал автор этих строк, и не надеявшийся на то, что пройдет каких-то 30 лет – и я увижу «Гернику», и буду писать о встрече с ней...

